

**«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 11 (36) от 15 декабря 2009 г.**

Диалог

**Газиз Алдамжаров:
Есть вещи,
которые народ никогда
не уступит**

Известный общественный деятель, председатель Контрольной палаты распущенного Верховного Совета Казахстана и экс-посол Казахстана в Белоруссии Газиз Алдамжаров видит в казахах силу, которая рано или поздно пробудится. Власть сама создает предпосылки для того, чтобы в стране появилось непонимание, раскалывает общество на две половины. И Доктрина национального единства – один из примеров такого поведения властей.

– Газиз Камашевич, изначально вопрос житейский. Наши читатели из Атырау спрашивают о вашем здоровье, как вы себя чувствуете?

– Спасибо! С Нового года я войду в строй, буду ездить по регионам, продолжу свою политическую деятельность, займусь более активной работой. Время от времени надо и болеть, время от времени можно и проигрывать, чтобы ценить то, что имеешь.

– Тогда о том, что нам необходимо ценить, и о том, что нам чуждо: например, Доктрина национального единства. Из каких побуждений она появилась? Мало ли у нас «стабильности и единства нации» в стране, о чем любит с гордостью заявлять наша власть, зачем же теперь мазать масло маслом?

– На самом деле вопрос с национальным единством в Казахстане неоднозначный.

Тему о национальном единстве должна поднимать государствообразующая нация. Она является гарантом всем остальным живущим, что будет защитником их прав, языка, традиций. Если государствообразующая нация слаба, то и государство будет слабым, поскольку нет фундамента страны.

– Как говорится, чем сильнее нация, тем сильнее единство...

– Вот именно! Сейчас в Казахстане должен, прежде всего, подниматься вопрос единства самих казахов, которые и должны стать государствообразующей нацией. На сегодня казахи разобщены: на жузы, на роды, на «нагыз» и «шала», на «китайцев», на «каракалпаков», на приезжих казахов и собственно казахов, на «новых» и «старых», на богатых и бедных, на «мамбетов» и «манкуртов», на сельских и «асфальтных». И самое плохое в этом разделении то, что со временем эти грани не стираются. Между тем, необходимо единство казахской нации. Вот этот вопрос, а не какой-то другой, как раз-таки и является на сегодня своевременным.

Если же рассматривать национальное единство всех других наций в Казахстане, то необходимо ставить вопрос о создании единого народа – казахстанцев. Но этот вопрос может быть решен только путем голосования, референдума, чтобы и казах, и кореец, и русский выразили желание стать казахстанцем и стали так себя идентифицировать. То есть люди, живущие на территории данной страны, соблюдающие ее законы, думающие об интересах своей Родины, заботящиеся о своем государстве. Вопрос о национальном

единстве невозможно решить, пока не будет решен вопрос о создании единой нации казахстанцев.

Прежде чем говорить о единстве всех наций, нужно стать казахстанцами. Скажу только о гражданской составляющей этого вопроса. Не хочу никого обижать, но пока казахи не сформировались как государствообразующая нация. Казахам, прежде всего, самим необходимо восстановить свой язык, традиции. Нужно, чтобы сформировалась в стране такая ситуация, чтобы никто, прожив здесь 200 лет, не хотел отсюда уезжать, как только ситуация в стране (политическая или экономическая) ухудшается. Сегодня из Казахстана постоянно стремятся уехать, и действительно, ежегодно уезжает около 40 тысяч человек. То есть эти люди изначально себя не идентифицировали как казахстанцев, как представителей единой нации. А для этого им нужно создать в стране условия, чтобы мы жили лучше, чем в России. Простой человек – такой, как я, например, не хочет быть главным, он просто хочет, чтобы у каждого была крыша над головой, работа, возможность дать детям образование, и они тоже могли бы найти работу и со временем обрести крышу. И больше ничего нам не надо.

Поэтому я считаю, что нужно разделить две проблемы, которые на сегодня существуют: это национальное единство казахов и создание нации казахстанцев. Только после этого можно говорить о доктрине.

– В доктрине исподволь поднимается вопрос о создании общности казахстанцев: «Фундаментом согласия и стабильности в обществе стал изначально выбор в пользу формирования гражданской, а не этнической общности. Время доказало, что это самый разумный путь совмещения интересов всех граждан страны независимо от их этнической принадлежности»...

– Вот видите – говорится о том, чего еще нет. 67% населения Казахстана – казахи – еще даже не сформировались как нация. Рано говорить о казахстанцах, пока нет государствообразующей нации.

– Почему казахская нация до сих пор не сформировалась?

– Во-первых, потому что 20 лет – это слишком мало. Во-вторых, на казахов не возложили ответственность за все, что происходит на этой земле. У нас за все отвечает власть, но не народ.

Кроме того, формирование казахской нации все время крутится вокруг казахского языка. Доктрина, как и многие другие документы, сквозь пальцы проходит, а реального влияния казахи так и не смогли добиться. Они не смогли добиться лидерства своего языка с первых дней обретения независимости.

Между тем, 20 лет назад вопрос как раз так и стоял. Если ребенку в тот момент было 10 лет и он начал бы изучать казахский язык, то сейчас к 2009 году, когда ему уже исполнилось 30 лет, все казахстанцы бы уже знали казахский язык. И проблем на сегодня никаких межнациональных не стояло бы. Мы заигрывали с представителями других наций и в результате свою национальную политику не проводили. То же самое и доктрина – это уступка.

Между тем, если бы казахам дали возможность влиять в своей стране, знать родной язык, то отношение к другим нациям от этого бы не изменилось. Терпимость ко всем нациям изначально в духе казахского народа. Если во главе государства был бы кто-то другой, то межнациональное согласие было бы все равно. Не надо думать, что это заслуга только одного человека.

– Но ведь казахи сами виноваты, что не знают свой родной язык?

– Да, конечно. Раньше мы обвиняли советский строй. Но на самом деле, все те, кто хотел знать язык – знал, кто хотел оставаться в своей вере – оставался. Я не помню, чтобы кто-то к нам домой приходил и не разрешал моим бабушке и

бабушке совершать намаз, и не было такого, чтобы мне не разрешали говорить на казахском в семейном кругу.

Но и вина власти также очевидна. Все эти двадцать лет она не была заинтересована в том, чтобы мы перешли на казахский язык. Простой пример. В прошлом году отмечался юбилей принятия закона «О государственном языке». И определенная часть населения просила провести митинг на одной из центральных площадей Казахстана – либо возле КБТУ, либо возле памятника Чокану Валиханову, чтобы выразить свое недовольство развитием казахского языка в Казахстане. Правительство, в котором 87% казахов, не дало нам такой возможности.

– Но это разве не связано с общей боязнью власти любых массовых выступлений в центре города, тем более, по такому злободневному поводу?

– Нет, мы с вами должны понять, что есть вещи, которые присущи всем живущим: кто у власти, и тем, кто без власти. И, кстати, тех, кто у власти, проблема казахского языка должна больше касаться, чем нас. Те, кто работает во власти, должны в совершенстве знать два языка. Я думаю, что казахский язык не внедряется, несмотря на то, что во власти работают в подавляющем большинстве «нагыз казактар» – Назарбаев, Абыкаев, Есимов и многие другие – это сельские люди.

Но они просто хотят пользоваться русскоязычной частью населения в своих интересах в ущерб национальным интересам. Поэтому эти люди не разрешают проводить митинг о казахском языке в центре Алматы, привлекать и самих казахов, и другие нации изучать казахский язык. Ведь власти должны выполнять то, что написано в Конституции: знать государственный язык – это обязанность каждого гражданина Казахстана. Раз Конституцию вы сами приняли всеобщим голосованием, то должны сами ее и соблюдать.

На том же митинге мы не хотели чего-то сверхъестественного. Мы хотели лишь призвать всех изучать казахский язык, ведь незнание языка уже сейчас приводит к проблемам, делит общество. Мои соседи ко мне вчера пришли и говорят: «Казахи хотят 16 – 17 декабря выйти на площадь и призвать с 1 января полностью перейти на казахский язык. Как мы теперь будем жить?». Я им объясняю, вы неправильно поняли, потому что вы казахский язык не знаете.

А если бы они знали казахский язык, то они бы сами разобрались, что на самом деле ничего такого нет. Получается, что общество сейчас разделено. Уже существует тенденция, что при ведении того или иного бизнеса русскоязычные нанимают к себе только русскоязычных, а казахскоязычные – только казахскоязычных.

Русские часто жалуются, везде в госорганах сидят казахи, и там поэтому порядка нет. Если бы русские знали казахский язык, то они могли бы работать в госорганах, и кто знает, может быть, действительно смогли сделать так, чтобы там не было коррупции. А сейчас на это место нет конкуренции, туда приходит любой человек, может быть, даже малограмотный, но... знающий казахский язык. Мне, например, лучше, что ли, что сейчас такое положение в работе госорганов с населением?

То есть казахский язык – это не проблема, это ключ, который позволит всем нациям быть полноправным членом на этой земле. Главное – чтобы представители других наций были задействованы не только в бизнесе, но и в управлении государством.

– А может быть, предлагаемый документ власти расставит все на свои места?

– Я в этом глубоко сомневаюсь... Сначала каждый казах в Казахстане должен понимать, что не представляет себя одного. Он должен своим поведением, своими высказываниями быть примером для всех остальных. Если кто-то видит казаха в грязных ботинках, то обо всех казахах говорят, как о неопрятной нации; если казах хвостун, то говорят – это национальная привычка, если казах коррупционер, то тоже обобщают и говорят, что казахи сами по себе взяточники. Если мы хотим быть ведущей нацией в Казахстане, то мы должны начинать с себя и быть на голову выше всех остальных в своем поведении, в своем стремлении к знаниям, стремлении измениться к лучшему. В нас должны видеть людей совершенных. И тогда наш язык не будет находиться на задворках. Язык, отношение к языку предполагает и отношение к самому себе. Научимся уважать себя – будут с нами считаться, учить наш язык, как достойный этого.

– А доктрина?

– Я считаю, что в ней ничего такого нет. Она представляет собой как будто реферат какого-то студента, который писал работу по данной дисциплине. Он собрал что-то из Конституции, что-то из других документов в единое целое. Да, в ней поднимается вопрос изменения государственной политики. С развитием общества должна меняться и политика. Чем дольше у него путь, тем больше у него и потребность.

Национальное единство – это единственное достижение, которое на сегодня у нынешней власти есть. Можно рассуждать долго на эту тему, но действительно по какой-то причине единство есть. И мы хотим дать этому явлению научнообразное объяснение в пользу власти.

На сегодня мы, как любая нормальная нация, должны были принять концепцию национальной политики, которую должны были обсуждать ученые, народ. Затем на основе концепции мы должны были принять закон о государственной политике. И он не должен был обсуждаться никакой ассамблеей. Эта Ассамблея вообще ненужная вещь, понимаете, в чем дело? Получается, что национальное меньшинство в моей стране определяет отношение государствообразующей нации к другим нациям. Получается, что пришлые нации определяют мою национальную политику. А должно быть наоборот – казахская нация должна определять политику. И поэтому этот закон должен рассматриваться только в парламенте, и других органов мы не знаем. И президент потом должен этот закон, если он его устраивает, подписать. Затем вся страна должна этот закон соблюдать, ему следовать.

Если говорить вообще о национальных центрах, то, конечно, есть среди них хорошо работающие. Но большинство из них никакого значения не имеют. Получается, что в Ассамблее сейчас находится президент, министр иностранных дел, два спикера, два депутата и два редактора газет как представители этого органа. И вот эти люди должны определять отношение казахов к другим национальностям?! Я считаю, что это неправильно. Да, все в Казахстане должны жить комфортно, уважая друг друга. Но все в этой стране должно быть по Конституции, так как это в ней закреплено. Поэтому такой закон может приниматься только парламентом, и никакая Ассамблея никакого отношения к этому не должна иметь.

– Почему доктрина появилась именно сейчас, именно в данном конкретном промежутке времени, когда весь мир борется с последствиями экономического кризиса? Вы не допускаете мысль о том, что данная затея запущена как технология политического маневра для того, чтобы отвлечь внимание народа от насущных проблем?

– Есть несколько поводов. Первый повод – я думал, что не сегодня, так завтра состоятся президентские выборы. Если исходить из того, что казахи сами

раздроблены, то в этих условиях на президентские выборы каждая группа выделила бы собственных претендентов. В этих обстоятельствах, конечно, голоса русскоязычной группы являются решающими.

В таких условиях принятие доктрины имело бы смысл, поскольку Назарбаев бы имел как раз голоса этой решающей группы за счет такого документа, уступки национальным интересам казахов.

Второй повод – мы хотим принять национальную идею. Любая национальная идея – фундамент для консолидации общества. Я думал, что эта идея – это первая ступень, из которой может вырасти национальная идея. Но это тоже не является делом Ассамблеи. Это гражданская консолидация людей.

Третий повод – такая доктрина имела бы смысл, если бы в стране была межнациональная рознь, трещина, которую нужно быстрее залечить. Но мы ничего не слышали.

Четвертый повод – я подумал, что сегодня не казахи, а другие нации являются самой сплоченной группой в обществе. И именно эта группа как раз может стать точкой опоры для президента при проведении своей политики, реформ в тот момент, когда казахи разъединены.

Но мы должны понять, что царство, разделившееся внутри, погибает. И ни один правитель не должен на это идти. У него должна быть одна политика для всех – закон, интересы страны. Если в обществе появляются любимые и нелюбимые, опора и не опора – то это кончается всегда плохо.

Если мы хотим быть единой страной, то должны иметь не национальное единство, а межнациональное единство на основе единства казахов. Может быть, я не прав, но я думаю только так.

И доктрина сегодня несвоевременна, нам нужно идти по проторенной дороге, а не придумывать что-то, идти так, как это оговаривается в Конституции – принять закон на уровне парламента, без Ассамблеи.

Когда во власти думают, что все будет «по их», то, как говорится, ни одна власть свой народ не победила. Сейчас мы можем уступить, завтра... Но есть такие вещи, которые народ никогда не уступит. Это свой язык и свой суверенитет.

– Некоторые наблюдатели отмечают, что этот документ, который поручил составить президент, станет защитным щитом для Казахстана на посту председателя ОБСЕ, чтобы европейские организации не мучили вопросом о состоянии гражданских прав и демократических принципов в Казахстане. Как вы на это смотрите?

– Можно и так считать, но не надо принимать Запад за дурачков или глупцов. Запад знает о нас намного больше, чем мы сами. Они целенаправленно нас изучают – и все плохое, и все хорошее. Они прекрасно понимают, что межнациональное согласие совсем не связано с наличием у нас Ассамблеи народа Казахстана. И не с тем, что у нас доктрина есть. Тем более, этот документ они тоже читали. Не нужно думать, что в этом мире можно кого-то обмануть.

К сожалению, есть у нас население, которое не интересуется политикой, и его можно обмануть. Как вот этих моих соседей, которые поверили, что с 1 января в Казахстане остается только казахский язык, и все.

У нас не обсуждаются все политические процессы в обществе. Но власти брать полностью все на себя – это неправильно. Сегодня нарушаются права людей, с ними не советуется ни по одному вопросу, власти не утруждают себя тем, чтобы объяснить им, что на самом деле происходит. В результате общество получает то, что имеет: народ у нас отсталый. Если бы у руководства Израиля, например, находились бы такие люди, как у нас, то их давно бы уже там не было. Народ должен быть на твоём уровне. Если хочешь изменить мир, то изменись сам, и

измени людей вокруг себя. А если ты меняешься, а твой народ нет, то он, в конце концов, перестанет тебя понимать, и станет твоим врагом.

Я думаю, почему мы ни одну программу не завершили? Потому что народ не понимает власть и не идет к нему навстречу. Да, можно построить силой нефтеперерабатывающий завод, можно построить здания элитного класса, но кто будет работать на этом заводе, и кто будет жить в этих домах?

– Почему, говоря о доктрине, так много говорят о казахском языке?

– Вы же понимаете, что когда мы проигрываем в языке, мы проигрываем в идеологии.

И еще один нюанс касательно языка. Язык должен кормить. Когда благодаря казахскому языку человек начнет зарабатывать больше, то язык станет ему необходим. Если будешь знать английский язык, то не пропадешь, если будешь знать русский язык, то тоже без куска хлеба не останешься. Нужно, чтобы то же самое было и с казахским языком. А пока человек, знающий только казахский язык, ничего не может заработать.

– Теперь о Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана. Нам постоянно говорят о выгодах этого союза. В чем она и когда она будет, когда простые казахстанцы ее почувствуют?

– Нужно самому себе задать вопрос: Таможенный союз – это братство или прагматизм?

Если братство, то это политический расчет, и все те цифры, которые нам показывают, не отражают всего процесса в полной мере. К 1 января мы создадим Единый таможенный тариф, с 1 июня примем кодекс, а затем и перейдем к реальным шагам – откроем внутренние границы между государствами и создадим единое пространство.

Сейчас создан руководящий орган над Таможенным союзом, в котором 57% голосов принадлежит России, а Казахстану и Белоруссии по 21, 5%. Изначально русский интерес над всеми будет довлеть. Я понимаю, что по объему товарооборота и по другим показателям эта страна просто больше, но, так или иначе, это факт – у нее голосов больше.

Но я хочу сказать, что в таких союзах все должны быть равными. Это первых.

А сейчас, Россия, естественно, защищая свои интересы, будет протаскивать свои документы. И защита собственных интересов своей страны – это нормальное явление.

По данным создателей Таможенного союза, ежегодно ВВП трех стран будет подниматься по 2 – 3%. И к 2015 году ВВП возрастет по сравнению с настоящим на 15% за счет Таможенного союза. Но надо понимать, что в некоторых странах бюджет строится на 30% от таможенных поступлений. И ни одна страна своих денег при этом не отдаст другой. И не бывает такого, чтобы все выиграли, кто-то обязательно проиграет.

– Скажите, как это скажется на стране, на народе?

– Будет повышение цен, и, в первую очередь, на автомобили. Потому что Россия – это производитель автомобилей, она будет защищать своего товаропроизводителя, и пошлины на ввозные машины серьезно поднимутся. И пострадает, конечно, в данной ситуации с автомобилями не государство, поскольку у нас собственного производства нет, а только сам народ.

Второе – пострадают производители, поскольку за двадцать лет мы не построили нормальных конкурентоспособных предприятий. В Казахстан завезут дешевые продукты питания и отечественным товаропроизводителям будет невыгодно производить продукты питания или строить заводы пищевого сектора.

Получается, что Казахстан не использовал все эти 20 лет свои нефтяные деньги на строительство нормальных производств, не построил всю инфраструктуру села, откуда должно поступать сырье для предприятий. И теперь по этой причине не может вступить в Таможенный союз на равных. Как бы там ни было, Россия – большая, великая страна, и у нее больше возможностей, чем у нас. И наши производители однозначно проиграют. Может быть, выиграют нефтедобывающие предприятия, но и это вряд ли. Поскольку у нас с Россией в одних и тех же секторах конкуренция, как в производстве продуктов, так и в нефтепереработке.

– Закончится ли объединение только Таможенным союзом?

– Нет. Вслед за этим союзом пойдет единая валюта, потом для всего этого нужен будет надгосударственный управляющий орган. То есть Таможенный союз предполагает расширение, как Евросоюз.

Возьмем пока Таможенный союз. Должен быть какой-то наднациональный орган, который должен принять законы наднациональные, кодекс тот же. Встает вопрос: кто примет? Новый кодекс вряд ли устроит все три стороны. Получается, одно и то же будет рассматриваться в парламентах трех стран. Если наднациональный закон, то должна быть комиссия какая-то. Правильно ли будет, если голоса России в этой комиссии будут превалировать? То есть должен решаться вопрос наднациональной структуры, которая принимает закон, проверяет изменение таможенных пошлин. И этот вопрос также не решен. Раз этот вопрос не решен, то все споры будут приходиться к президентам.

Если мы вступаем в Таможенный союз с точки зрения братства, ностальгии по прежнему Союзу, то я считаю, что это слишком дорогая плата.

Дальше – больше. Единое пространство предполагает снятие внутренних таможенных зон, создание общей пограничной зоны; тогда должна идти речь и о создании общего оборонного союза, и опять Казахстану придется делегировать часть функций парламенту, президенту. Пойдет ли на это власть – отдать войска какой-то наднациональной структуре, зная свою внутреннюю ситуацию?

Таким образом, Таможенный союз – это далеко идущий шаг. Говорят, что мы должны прийти к такому союзу, как в Европе. Но для этого все страны должны быть в близком по развитию состоянии. Но этого тоже нет.

**Шолпан ИСКАКОВА,
«D»**